

Глава вторая

И приснился Елене Сергеевне сон. Снился ей двор Государственного краевого архива, но не сегодняшней, а столетней давности, который она видела на старинных фотографиях. На месте огромного деревянного сарая, наскоро сбитого из старых досок, стоит затейливая чугунная беседка, а там, где наяву высятся кучи ржавой жести и битых кирпичей, разбиты клумбы. В абсолютной тишине она идёт к беседке, в которой сидит похожая на Таню красавица-гречанка. Елена Сергеевна подходит ближе и видит сидящего рядом маленького мальчика, весело болтающего ножками.

Большая белая птица пролетает прямо у них над головой и усаживается на перилах. Елена Сергеевна узнаёт ворону, испокон веку живущую во дворе архива и воруящую еду у бесчисленных архивных кошек. Ворона из сна омерзительна. Нет, смущает вовсе не её цвет, а то, что у неё с глазами. Это очень знакомые, холодные, без капли интеллекта глаза человека, переступившего черту.

Мальчик пугается вороны и начинает плакать, он рыдает всё горше и горше, беззвучно разевая крошечный ротик. Женщина сидит неподвижно, не делая никаких попыток успокоить ребёнка, и странная улыбка кривит её губы. Судорожные рыдания сотрясают маленькое тельце, ребёнок начинает задыхаться, и вдруг у него из горла идёт кровь. Она странного цвета – бело-серая, отливающая металлическим блеском и распадающаяся при ударе об пол на крошечные шарики.

Ворона поворачивает голову, Елена Сергеевна понимает, что через секунду этот невыносимый взгляд остановится на ней, и закрывает лицо руками.

Kapitola druhá

Jeleně Sergejevně se zdál sen. Viděla v něm dvůr Státního krajského archivu, ne však v jeho dnešní podobě, ale před sto lety, stejný, jako ho viděla na starých fotografiích. Na místě obrovské dřevěné kůlny, narychlo stlučené ze starých prken, stojí podivná litinová besídka a na místě, kde se ve skutečnosti ční hromady rezavého šrotu a rozbitých cihel, jsou upravené záhony. V naprostém tichu kráčí k besídce, v níž sedí krásná Řekyně podobná Táně. Jelena Sergejevna přistupuje blíž a vidí, že vedle sedí malý chlapec a vesele klátí nožičkama.

Velký bílý pták prolétá přímo nad jejich hlavami a uvelebuje se na zábradlí. Jelena Sergejevna poznává vránu, která odnepaměti žije na dvoře archivu a krade jídlo nespočtelným archivním kočkám. Vrána je ve snu odporná. Ne, vůbec ji nemate její barva, ale něco, co má s očima. Jsou velmi známé, chladné, bez špetky intelektu, oči člověka, který překročil veškeré meze.

Chlapec se lekne vrány a rozpláče se, usedavě pláče čím dál silněji, neslyšně otevírá maličkou pusinku. Žena nehybně sedí, vůbec se nepokouší dítě uklidnit a rty jí kříví zvláštní úsměv. Křečovitě vzlyky rvou malé tělíčko, dítě se začíná dusit a najednou mu z krku vytryskne krev. Má zvláštní barvu – bílošedou, kovově se leskne a po dopadu na zem se tříští na droboučké kuličky.

Vrána otáčí hlavu, Jeleně Sergejevně je jasné, že za okamžik tento nesnesitelný pohled spočine na ní, a zakrývá si tvář rukama.

Ей холодно, очень холодно, она отнимает руки от лица и обнаруживает, что стоит на улице ночного города. Светится одно-единственное, разделённое на прямоугольники, окно на первом этаже. Она подходит, заглядывает внутрь и видит картину почти идиллическую: в камине горит огонь, совсем ещё юная женщина перебирает прозрачными пальчиками струны маленькой позолоченной арфы, странный молодой человек сидит за круглым столиком и что-то быстро пишет. Время от времени он поднимает голову и устремляет на свою подругу взгляд, полный любви и страха.

Вдруг Елена Сергеевна видит рядом с собой мужчину средних лет с обвисшими усами, потом у окна появляется юноша с пышной шевелюрой и упрямо выдвинутой нижней челюстью, потом смешной лысый клетчатый человечек. Множество ещё каких-то странных людей толпится у неё за спиной. Все они неотрывно смотрят на молодого человека, кто с любопытством, кто с сочувствием, а клетчатый – с безграничным обожанием.

Женщина отрывает пальчики от струн, громко поёт, широко раскрывая рот, вдруг мужчина вскакивает, зрители замирают в ожидании...

Нет, она совершенно не намерена это видеть, слишком, слишком много крови. Елена Сергеевна с трудом продирается сквозь огромную толпу и бежит прочь по вымощенной камнями улице. Вот уже и окраина.

Перед ней вырастает высокая стена, она идёт вдоль неё, доходит до железных ворот, которые со скрежетом распахиваются, и оказывается на очень старом кладбище.

С небольших, глубоко ушедших в землю вертикальных мраморных и гранитных надгробий ей улыбается ангел смерти с крыльями, растущими прямо из черепа.

Имя на одном из могильных камней привлекает её внимание. Она становится на колени, букву за буквой очищает ото мха эпитафию, чтобы, наконец, прочесть: «И я была когда-то такой же, как ты сейчас». Елена Сергеевна просыпается в холодном поту.

Je jí zima, velmi zima, odtahuje si ruce od obličeje a zjišťuje, že stojí na ulici v nočním městě. Svítí tu jedno jediné okno v přízemí, rozdělené na obdélníky. Přistupuje, nahlíží dovnitř a vidí téměř idylický obrázek: v krbu plápolá oheň, mladinká žena hraje průsvitnými prstíky na struny malé pozlacené harfy, zvláště ní mladý muž sedí za kulatým stolkem a něco rychle píše. Čas od času zvedne hlavu a upře na svou přítelkyni pohled plný lásky a strachu.

Najednou vedle sebe Jelena Sergejevna vidí muže středního věku s povislým knírkem, nato se u okna objevuje mladík s hustou kšticí a vzdorovitě vysunutou spodní čelistí, potom legrační plešatý, kostkovaný človiček. Spousta dalších podivných lidí se jí shlukuje za zády. Všichni upřeně hledí na mladíka, někdo se zájmem, někdo soucitně, a ten kostkovaný pohledem plným bezmezného zbožňování.

Žena pouští struny, hlasitě zpívá a přitom doširoka otevírá ústa, najednou muž vyskakuje, diváci tuhnou napětím...

Ne, vůbec se na to nechce dívat, příliš, příliš mnoho krve. Jelena Sergejevna se s obtížemi prodírá obrovským davem a běží pryč po dlážděné ulici. A už je na okraji města.

Vyrůstá před ní vysoká stěna, jde podél ní, přichází k železným vratům, která se se skřípěním otevírají, a ocitá se na velmi starém hřbitově.

Z nízkých svislých mramorových a žulových náhrobků, které jsou zasazeny hluboko do země, se na ni usmívá anděl smrti, jemuž křídla rostou přímo z lebky.

Jméno na jednom náhrobku přitahuje její pozornost. Kleká si, písmeno po písmenu očišťuje od mechu, aby konečně přečetla epitař: „To, co jsi ty, byla jsem i já.“ Jelena Sergejevna se probouzí zbrocena ledovým potem.

***

На следующее утро опять всё было, как всегда. Елена Сергеевна накормила завтраком семью и опоздала совсем чуть-чуть. Она отправилась поговорить с Таниной подругой Наташей. По дороге Елена Сергеевна вдруг вспомнила свой сон, но тут же о нём забыла. Ей повезло: Наташа курила на лавочке. Скамейка стояла под деревьями, огороженными невысоким заборчиком.

– Наталья, ты что, куришь? Никогда раньше не видела.

В архиве курение не поощрялось, но курили многие.

– Тут закуришь! И что он ко мне пристал? Сил моих нет, тоска зелёная, шли бы они все на...

Вот матерились в архиве немногие, но Елену Сергеевну Наташина манера разговора ничуть не смутила. Иногда, доведённая до крайности, и она любила сказать пару нецензурных словечек. Из разговора с Наташей выяснилось, что к ним в отдел приходил следователь и приставал ко всем насчёт Таниного мужа Олега и её любовника Петьки, очень интересуюсь их адресами.

– Ну и что, дали адреса?

– Какие адреса? Откуда я знаю? Откуда вообще этот Петька взялся? – горячилась Наташа.

И Елена Сергеевна вспомнила Петьку – хорош, как греческий бог: высокий, широкоплечий, загорелый, с чёрными глазами, перед которыми невозможно было устоять. Он был потрясающе красив. «Как греческий бог», – опять подумала Елена Сергеевна и почему-то смущённо улыбнулась.

Елена Сергеевна рассказала Наташе о вчерашней встрече с Елизаветой Степановной и Лизонькой.

– Я абсолютно уверена, что Никита у своего отца. Дай мне его адрес, я вечером туда схожу.

Но точного адреса Наташа не знала, помнила только название улицы и объяснила на пальцах, как туда добраться.

Вечером муж Елены Сергеевны на своей старой «Волге» отвёз её на то место, которое описала Наташа. Покружившись ещё минут десять в крошечной тьме, они, наконец, нашли нужную улицу, где в одноэтажном домике снимал комнату Олег.

***

Nazítří ráno bylo vše opět jako vždy. Jelena Sergejevna připravila rodinně snídani a opozdila se jen trochu. Vydala se popovídat si s Táninou kamarádkou Natašou. Po cestě si Jelena Sergejevna vzpomněla na svůj sen, hned ho však pustila z hlavy. Měla štěstí. Nataša kouřila na lavičce. Lavička stála pod stromy ohrazenými nízkým plůtkem.

„Natálie, ty kouříš? Nikdy dřív jsem tě kouřit neviděla.“

V archivu se kouření nepodporovalo, mnozí však kouřili.

„Tady začneš kouřit! Proč mi nedají pokoj? Fakt už na to nemám sil, mám toho plný zuby, ať táhnou všichni...“

V archivu moc lidí neklelo, ale Jelenu Sergejevnu Natašin způsob mluvy ani trochu nevyvedl z míry. Někdy, v mezních situacích, dokonce i ona ráda řekla několik sprostých slov. Z rozhovoru s Natašou vyšlo najevo, že u nich na oddělení byl vyšetřovatel a otravoval všechny otázkami na manžela Táni Olega a jejího milence Petku; velmi se zajímal o jejich adresy.

„No a dali mu adresy?“

„Jaké adresy? Jak to mám vědět? Odkud se vůbec ten Petka vzal?“ rozčílila se Nataša.

Jelena Sergejevna si vzpomněla na Petku – krásný jako řecký bůh: vysoký, široká ramena, opálený, černé oči, kterým není možno odolat. Byl neskutečně krásný. „Jako řecký bůh,“ znovu si pomyslela Jelena Sergejevna a z neznámého důvodu se rozpačitě usmála.

Jelena Segejevna vyprávěla Nataše o včerejším setkání s Jelizavětou Stěpanovnou a Lízinkou.

„Jsem si naprosto jista, že Nikita je u svého otce. Dej mi jeho adresu, večer tam zajdu.“

Přesnou adresu však Nataša neznala, pamatovala si jen název ulice a jednoduše popsala, jak se tam dostat.

Večer manžel Jelenu Sergejevnu odvezl svou starou Volhou na místo, které popsala Nataša. Poté, co se asi deset minut motali v naprosté tmě, konečně našli správnou ulici, kde si Oleg pronajímal pokoj v přízemním domku.

Муж вышел из машины и стал стучать в железные ворота. Загавкали все собаки, басовито отозвалась и собака за воротами, явно очень большая и страшная.

– Ой, я боюсь, – жалобно произнесла Елена Сергеевна.

– Боюсь, боюсь, нечего было ехать, – сказал муж и заколотил ещё громче. Собака от злобы неистово лаяла. Наконец, калитка в воротах закрипела и в неверном свете луны, которая именно в этот момент (спасибо ей!) вынырнула из-за туч, они увидели Олега.

– Елена Сергеевна, что вы здесь делаете?

– Олег, нам надо серьёзно поговорить. – Когда Елена Сергеевна говорила таким тоном, спорить с ней было бесполезно. – И уберите, пожалуйста, собаку.

В крошечной низкой комнатухе на разобранной, мятой и грязной постели сидел Никита. И лицо у него было плохое, и глаза нехорошие. Взглянув на него, Елена Сергеевна испытала почему-то не жалость, а страх. Да, пожалуй вчера Лизоньку было гораздо легче.

– Здравствуй, Никита, – как можно ласковее произнесла она, но в ответ получила такой взгляд, что прикусила язык.

– Олег, – сказала она, повернувшись к отцу, – Никита должен вернуться домой, Елизавета Степановна страшно переживает, ей и так тяжело...

– А пошла она на... – выругался вдруг Никита.

– Ты чего выражаешься? – возмутилась Елена Сергеевна.

– Не трогайте моего сына, – вдруг тонким голосом закричал Олег. – Вы зачем пришли, мораль читать?

С Елены Сергеевны слетела вся её уверенность:

– Олег, я вам очень сочувствую, очень, но вы же взрослый человек, вы должны понимать – ребёнку здесь не место. И потом, – она заставила себя подойти к кровати и сесть рядом с Никитой, – Лизоньке без тебя очень плохо. Разве ты не хочешь помочь сестре?

Этот идиотский вопрос остался без ответа, и супруги, пробормотав «Спокойной ночи», вышли в темноту.

Manžel vystoupil z auta a zabušil na železná vrata. Všichni psi začali štěkat, ozval se i pes za vraty, určitě obrovský a strašlivý.

„Jejda, mám strach,“ žalostně pronesla Jelena Sergejevna.

„Mám strach, mám strach, neměla jsi sem jezdit,“ řekl manžel a zabušil ještě víc. Pes se šíleně rozštěkal vzteky. Konečně dvířka ve vratech zaskřípala a v matném svitu měsíce, který se přesně v tomto okamžiku (chválabohu) vynořil zpoza mraků, uviděli Olega.

„Jelena Sergejevno, co tady děláte?“

„Olegu, musíme si vážně promluvit.“ Když Jelena Sergejevna mluvila tímto tónem, nemělo smysl se s ní hádat. „A odvedte si, prosím, psa.“

V miniaturním nízkém pokojíku na rozložené, zmačkané a špinavé posteli seděl Nikita. Nevypadal dobře. Jelena Sergejevna na něj pohlédla a bůhví proč pocítila místo lítosti strach. Pravda, politovat včera Lízinku bylo mnohem snadnější.

„Ahoj Nikito,“ pronesla co možná nejlaskavěji – odpovědi jí však byl takový pohled, že ztratila řeč.

„Olegu,“ řekla a obrátila se na otce, „Nikita se musí vrátit domů, Jelizavěta Stěpanovna je hrozně rozrušená, i tak to má těžké...“

„Ale ať táhne...“ zaklel najednou Nikita.

„Jak to mluvíš?“ rozčílila se Jelena Sergejevna.

„Nechte mého syna být,“ zakřičel najednou vysokým hlasem Oleg. „Proč jste přišla, poučovat nás?“

Jelena Sergejevna ztratila veškerou svou jistotu.

„Olegu, velmi s vámi soucítím, opravdu, ale jste přece dospělý člověk, musíte chápat – tohle není místo pro dítě. A pak,“ donutila se přistoupit k posteli a posadit se vedle Nikity, „Lízince je bez tebe moc těžko. Copak ty nechceš sestře pomoci?“

Tato idiotská otázka zůstala bez odpovědi, manželé zamumlali „Dobrou noc,“ a odešli do tmy.

– Ну что, получила по заслугам, благодетельница? – спросил муженёк, когда они сели в машину. Тошно было на душе, но на своего благоверного Елена Сергеевна не обиделась. Она его очень хорошо знала и понимала, что ему жаль Никиту, жаль Олега и за неё, любимую, обидно.

Домой ехали молча.

***

Увидев Таню в гробу, Елена Сергеевна не заплакала. Она была так разозлена, что было совершенно не до слёз: на похороны Тани пришёл весь архив, а вот руководства не было. Начальство очень не любило Таню. Да и за что было её любить? Ей можно было только завидовать. Молодая, красивая, независимая, гордая, к тому же Таня никогда ни перед кем не пресмыкалась. А на всех архивных вечерах дивно пела романсы, аккомпанируя себе на гитаре и вызывая бурный восторг коллег.

Гроб стоял во дворе Таниного дома. Вокруг толпились соседи и сотрудники и тихонько перешёптывались. Таня выглядела ужасно. Особенно дико смотрелись накрашенные красной помадой губы на обескровленном лице. В руках горела свечка, а голову прикрывал платок.

Елизавета Степановна сидела возле гроба и то рыдала, то замолкала, гладила дочь по щекам и надрывно вскрикивала: «Доченька моя!» Ближе к ногам стоял Олег и неотрывно смотрел на мёртвое лицо. Лизонька прижалась к нему и на маму совсем не смотрела. Ей было страшно.

«Где же Никита?» – подумала Елена Сергеевна, не веря, что он мог не прийти. Она стала смотреть по сторонам, почему-то стараясь ни с кем не встречаться взглядом. Конечно же, Никита был здесь. Просто он стоял по эту же сторону гроба, спиной к ней, лица не было видно, и слава Богу.

„Tak co, dostalas co proto, Matko Terezo?“ zeptal se manžilek, jen co si sedli do auta. Cítila se pod psa, ale na svého starého se Jelena Sergejevna nezlobila. Zнала ho moc dobře a věděla, že je mu líto Nikity, Olega a mrzí ho, jak se k ní zachovali, k jeho milované.

Domů jeli mlčky.

***

Jelena Sergejevna se nerozplakala, když uviděla Táňu v rakvi. Byla tak rozčilená, že na slzy neměla ani pomyslení. Na pohřeb Tání přišel celý archiv, vedení však chybělo. Na vyšších místech neměli Táňu rádi. Proč by taky měli? Mohli jí jen závidět. Mladá, krásná, nezávislá, hrdá, navíc se Táňa nikdy před nikým neplazila. Kromě toho na všech firemních večírcích fantasticky zpívala balady, hrála na kytaru a vyvolávala bouřlivé nadšení svých kolegů.

Rakev stála na dvoře Tánina domu. Okolo se shlukli sousedé a spolupracovníci a potichu si šeptali. Táňa vypadala příšerně. Zvláště divoce vypadaly rty namalované rudou rtěnkou v bledém obličejí. V rukách měla hořící svíčku a hlavu ovázanou šátkem.

Jelizavěta Stěpanovna seděla u rakve a střídavě srdceryvně vzlykala, utichala, hladila dceru po tvářích a hystericky vykřikovala: „Dceruško moje!“ U nohou stál Oleg a upřeně se díval na mrtvý obličej. Lízinka se k němu přitiskla a na mámu se ze strachu vůbec nedívala.

„Kde asi je Nikita?“ pomyslela si Jelena Sergejevna, nevěříc, že by nepřišel. Začala se rozhlížet kolem sebe a bůhví proč se snažila, aby se s nikým nesetkala pohledem. Samozřejmě že tu Nikita byl také. Jen stál na stejné straně rakve, zády k ní, do obličjeje mu nebylo vidět – a zaplať pánbůh.

Таню начали отпевать. Молодой красивый священник с холёной чёрной бородой махал кадилом, большой крест подрагивал на вполне обозначившемся животике. Елена Сергеевна уставилась на этот крест и вдруг поняла, что с мозгами, наверное, у неё не всё в порядке. «О каком это крестике на цепочке распиналась Евгения Дмитриевна? Не было у Тани крестика!» – сообразила она. Она прекрасно знала, что именно висело у Тани на цепочке. Это была крошечная золотая обезьянка с рубиновыми глазками, очень красивая вещица, Елена Сергеевна даже в руках её держала. Кулончик ещё до свадьбы ей подарил Олег, и Таня считала его своим талисманом. Что было на Тани сейчас, проверить было невозможно, да и не стала бы она этого делать даже под дулом пистолета.

Отпевание закончилось, народ зашевелился, стал разбирать венки, несколько друзей Олега ухватились за покрашенный белой краской крест.

Таню хоронили на Южном кладбище, основанном лет двести назад и за эти годы превратившемся в огромный город мёртвых.

***

Через день после похорон Елена Сергеевна, вернувшись с работы, застала маму в слезах. Только этого ей не хватало! Мама объяснила, что была у Елизаветы Степановны, и та совсем из сил выбилась. Лизонька днём всё время молчит, а ночью её мучают кошмары, она кричит, плачет, зовёт маму.

Что-то надо было делать. Ещё раз поговорить с Никитой и Олегом? Ей совсем не хотелось этого делать.

Утром по дороге на работу она сообразила, куда ей не мешало бы сходить и притом поскорее. Вырваться из архива было не так просто. Но Елена Сергеевна незаметно улинула сразу после обеда.

Začala zádušní mše za Táňu. Mladý hezký kněz s pěstěnou černou bradkou mával kadidlem, velký kříž se mu natřásal na výrazně vystupujícím bříšku. Jelena Sergejevna zírala na ten kříž a najednou pochopila, že to nejspíš nemá v hlavě úplně v pořádku. „O jakém to křížku na řetízku to žvanila Jevgenija Dmitrijevna? Táňa neměla žádný křížek!“ uvědomila si. Věděla velmi dobře, co viselo Táně na řetízku. Byla to malinká opička s rubínovými očičkami, moc pěkná věcička, Jelena Sergejevna ji dokonce jednou měla v ruce. Přívěsek jí daroval ještě před svatbou Oleg a Táňa ho považovala za svůj talisman. Co měla Táňa na sobě teď, nebylo možné zjistit, a ani by to za žádných okolností nedělala.

Zádušní mše skončila, lidé se dali do pohybu, rozebírali si věnce, několik Olegových přátel se chopilo bílé natřeného kříže.

Táňu pohřbili na Jižním hřbitově, založeném asi před dvěma sty lety, jenž se za ta léta rozrostl na obrovské město mrtvých.

***

Den po pohřbu se Jelena Sergejevna vrátila z práce a našla mámu v slzách. To jí ještě chybělo! Máma vysvětlila, že byla na návštěvě u Jelizavěty Stěpanovny a ta je na pokraji zhroucení. Lízinka celý den mlčí, v noci ji trápí noční můry, křičí, pláče a volá mámu.

Bylo třeba něco udělat. Ještě jednou si promluvit s Nikitou a Olegem? Vůbec se jí do toho nechtělo.

Ráno cestou do práce si uvědomila, kam by neuškodilo zajít, a to co možná nejdřív. Vyklouznout z archivu nebylo vůbec jednoduché. Jelena Sergejevna se však nenápadně vytratila po obědě.

Она медленно пошла по городским улицам и спустилась на набережную. Цель путешествия была уже близка – рукой подать. Потом она перешла на другую сторону и открыла тяжёлую дверь школы. Прозвенел звонок, и дети вырвались на свободу. Они гоняли по коридорам, бесились и кричали. Елена Сергеевна в любой школе чувствовала себя как рыба в воде. Дети безошибочно узнавали в ней училку, здоровались, показывали дорогу. А один смешной рыжий мальчуган взял её за руку, повёл на второй этаж, распахнул дверь в класс, закричал: «Здрасти, Юля Аркадьевна, вот я вам привёл!» – и умчался.

– Какой замечательный ребёнок, просто ясное солнышко, – расчувствовалась Елена Сергеевна.

Вот кто точно был замечательным человеком, так это Юлия Аркадьевна. Елена Сергеевна была знакома с ней пару лет. Весёлая, умная, талантливая, окончила консерваторию*, сочиняла музыку, прекрасно пела, играла на фортепиано и преподавала теорию музыки. А уж какая красotka, просто пупсик: крепко сбитая, ладная (недаром играла в большой теннис), щёчки пухлые, носик аккуратный, губки бантиком, большие карие глаза – не женщина, а картинка!

– Ты мне позарез нужна. Ты Никиту Филиппова знаешь?

– Конечно, я всех знаю. Способный мальчик, преподаватели говорят, что у него большое будущее.

– Юля, как ты считаешь, с кем бы Никита мог поделиться чем-то очень личным? Юля, подумай, это очень важно, у Никиты в школе есть друзья?

– Приятели, конечно, есть, но вообще-то он очень замкнутый мальчик, а сейчас особенно. Хотя, постойте, Никите нравится одна девочка, Рита Виноградова. Я их вместе часто вижу. Правда она немного ботаник, но вполне разговорчивая, – Юля засмеялась.

– Юля, я должна с этой Ритой поговорить. Только так, чтобы Никита нас не увидел.

---

* V Rusku se jedná o vysokou školu hudebního zaměření.

Pomalou se vydala městskými ulicemi a došla na nábřeží. Cíl cesty byl již na blízku – co by kamenem dohodil. Pak přešla na druhou stranu a otevřela těžké školní dveře. Zazvonilo a děti se vyhnuly na svobodu. Honily se po chodbách, dováděly a křičely. Jelena Sergejevna se v každé škole cítila jako ryba ve vodě. Děti v ní bezpečně poznávaly úctu, zdravily ji a ukazovaly cestu. A dokonce jeden legrační zrzavý klouček ji vzal za ruku, vedl do prvního patra, rozrazil dveře do třídy a zakřičel: „Brý den, Julie Arkadjevno, tady jsem vám přivedl...“ a odběhl.

„Báječné dítě, prostě sluníčko,“ pronesla dojatě Jelena Sergejevna.

Skutečně báječný člověk byla Julie Arkadjevna. S Jelenou Sergejevnou se znaly už nějakou dobu. Veselá, inteligentní, talentovaná, vystudovala konzervatoř, skládala hudbu, překrásně zpívala, hrála na klavír a učila hudební teorii. A k tomu krasavice k nakousnutí – pevné tělo, souměrná, ladná (ne nadarmo hrála tenis), tvářičky krev a mlíko, hezky tvarovaný nosík, rtíky jako srdíčko, velké hnědé oči – zkrátka jako obrázek!

„Nutně tě potřebuju! Znáš Nikitu Filippova?“

„Samozřejmě, znám všechny. Talentovaný chlapec, učitelé říkají, že ho čeká skvělá budoucnost.“

„Juli, co myslíš, komu by se Nikita mohl svěřit s něčím velmi osobním? Zamysli se, Juli, je to velmi důležité, má Nikita ve škole nějaké přátele?“

„Kamarády samozřejmě má, ale v podstatě je velmi uzavřený chlapec, a teď zvlášť. I když počkejte, Nikitovi se líbí jedna dívka, Rita Vinogradovová. Často je vídám spolu. Pravda, je tak trochu šprt, ale dost povídavá,“ zasmála se Julie.

„Juli, musím s tou Ritou mluvit. Ale tak, aby nás neviděl Nikita.“

Дверь приоткрылась, и в щёлку просунулась мокрая от пота голова рыжего пацанёнка. Его мордашка горела огнём, а из кармана высовывались исписанные мелким почерком бумажки – наверное, шпаргалки.

– Вы чего к нам не идёте, Юля Аркадьевна?

– Сейчас иду. Эдик, позови Виноградову из восьмого класса. Всё, Елена Сергеевна, я бегу, только вы мне так ничего и не рассказали.

– Пока-пока, Юлик, всё узнаешь, куда я денусь с подводной лодки.

Прозвенел звонок на урок, и Елена Сергеевна вышла из класса. По коридору, перебирая ножками невероятной стройности и длины, к ней приближалось мимолётное четырнадцатилетнее виденье, она же ангел чистой красоты.

– Ты Рита?

– Да, я, а где Юлия Аркадьевна?

– Риточка, это она мне посоветовала с тобой поговорить, у меня к тебе очень важное дело, – сказала Елена Сергеевна и сразу вспомнила, что почти теми же словами начинала такой неудачный разговор с Олегом и Никитой.

– Извините, но у меня сейчас урок. Я пойду.

– Рита, я насчёт Никиты.

Мгновенно красавица превратилась в испуганного, неуверенного подростка.

– Рита, пойдём на бульвар, там будет удобнее.

Dveře se pootevřely a ze škvíry vykoukla zpotená hlava zrzavého hošíka. Jeho tváře plály jako oheň a z kapsy vyčuhovaly papírky popsané drobným písmem – s největší pravděpodobností taháky.

„Proč k nám nejdete, Julie Arkadjevno?“

„Už jdu. Edo, zavolej Vinogradovovou z osmé třídy. Tak, Jeleno Sergejevno, musím běžet, jen jste mi nakonec nic nevyprávěla.“

„Pa, Juli, všechno se dozvíš, co mám s tebou dělat.“

Zazvonil zvonek na hodinu a Jelena Sergejevna vyšla ze třídy. Po chodbě se na neuvěřitelně rovných a dlouhých nohách nesl čtrnáctiletý letmý přelud čistoty, naplnění ryzí krásy.

„Ty jsi Rita?“

„Ano, jsem, a kde je Julie Akradjevna?“

„Rituško, to ona mi poradila, abych si s tebou promluvila, je to hrozně důležité,“ řekla Jelena Sergejevna a hned si vzpomněla, že téměř stejnými slovy začínala tak neúspěšný rozhovor s Olegem a Nikitou.

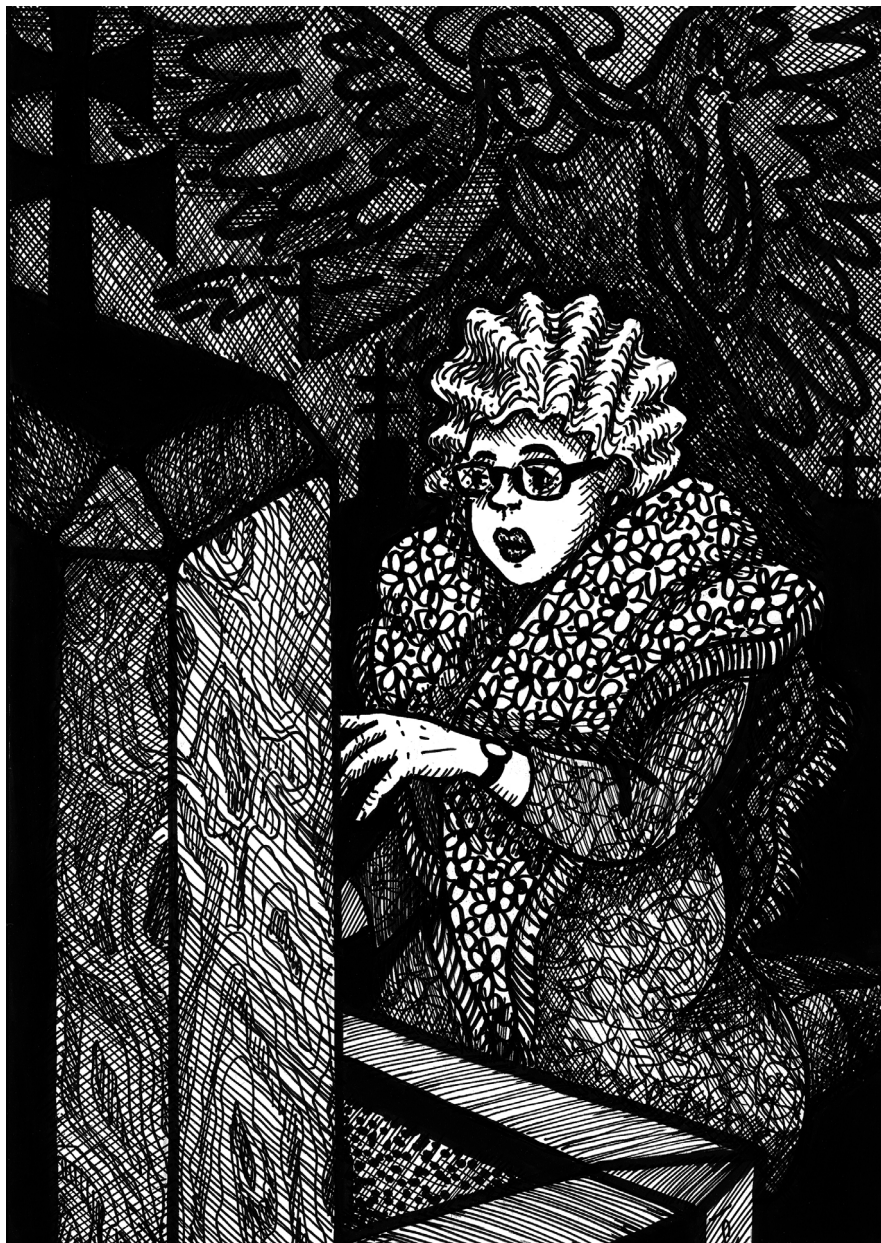
„Promiňte, ale mám teď hodinu. Měla bych jít.“

„Rito, týká se to Nikity.“

Krasavice se hned změnila na vylekaného, nejistého výrostka.

„Rito, pojď ven, tam to bude lepší.“

Имя на одном из могильных камней привлекает её внимание. Она становится на колени, букву за буквой очищает ото мха эпитафию, чтобы, наконец, прочесть: «И я была когда-то такой же, как ты сейчас».

Komentáře a cvičení ke kapitole 2

---

1. Porozumění textu

Přečtěte si následující věty a zvolte správnou variantu:

1. Какая птица была персонажем сна Елены Сергеевны?
  - a) чайка;
  - b) синица;
  - c) ворона.
2. О чём Елена Сергеевна говорила с Натáшей?
  - a) девушка пожаловалась на размер заработной платы;
  - b) Натáша рассказала о том, что в их отдел приходил следователь;
  - c) Натáша поделилась тем, что приняла решение уволиться с работы.
3. Как Елена Сергеевна добралась к дому, где жил бывший муж убитой?
  - a) пешком;
  - b) на самолёте;
  - c) её привёз муж.
4. Что стало причиной слёз матери Елены Сергеевны?
  - a) гибель любимой кошки;
  - b) политические события на Северном Кавказе;
  - c) сочувствие к семье убитой.
5. Для того чтобы разобраться в убийстве, Елена Сергеевна решила сходить:
  - a) в больницу;
  - b) в цирк;
  - c) в школу.
6. С кем Елене Сергеевне порекомендовали поговорить о Никите?
  - a) с его девушкой;
  - b) с его бабушкой;
  - c) с директором школы.

2. Jazykový koutek

Složená slova typu *столѣтний* (*столѣтние*)

Při tvoření složených podstatných a přídavných jmen, jejichž součástí je číslovka (např. *пятилѣтние*, *стопроцѣнтный*), je důležité si pamatovat, že:

- podobná slova se vždy píší dohromady,
- číslovka se píše ve tvaru 2. pádu: *пятилѣтка* (*пяти лет*), *двадцатишестилѣтний* (*двадцати шести лет*), *сорокалѣтние* (*сорока лет*). Výjimku tvoří dvě slova – *сто* a *девянѣсто*, která se vždy píší s O: *столѣтние*, *девянѣстоградусный*.

Pokud se podobná slova píší s číslicí, používá se spojovník:

восьмицилиндровый, ale *8-цилиндровый*,
трѣхдверный, ale *3-дверный*,
двухмѣсячный, ale *2-мѣсячный*.

Z uvedených výrazů utvořte složená přídavná jména:

7 лет	8 дней
40 градусов	300 лет
4 этажа	2 недели
7 миль	200 процентов
3 места	50 страниц
100 лет	9 месяцев
5 этажей	3 струны

3. Zapamatujte si!

Naučte se ruské ustálené výrazy, které se objevily v druhé kapitole:

испоко́н ве́ку – od nepaměti, od pradávna, odjakživa

как рыба в воде – velmi přirozeně (cítit se): jako ryba ve vodě

кромѣшная тьма – černočerná tma, tma tmoucí

Куда́ я де́нусь с подводной лодки? – o bezvýchodnosti něčí situace: co nadělám; nedá se nic dělat

объясня́ть на пальцах – vysvětlovat něco velmi zjednodušeně, pochopitelné pro každého

переступить грань (черту) – porušit pravidlo, normu chování, zákon

под дулом пистолёта (не делать что) – v žádném případě, za žádných okolností (něco nedělat)

получать по заслугам – dostat co proto

прикусить язык – přestat mluvit; dávat si pozor na ústa/pusu/jazyk

рукой подать – velmi blízko: co by kamenem dohodil

4. To je zajímavé

Školní slang

V druhé kapitole jste si jistě všimli několika slovíček, která jsou naprosto běžná pro školní slang: *училка* (učitelka), *ботаник* (opovržlivě o žákovi, který se hodně a pilně učí – šprt, synonymum – *зубрила*), *шпаргалка* (tahák). Kromě toho se v řeči školáků můžete setkat s následujícími výrazy pro označení školních reálií:

кол – pětka (známka)

пára/нёуд – čtyřka (známka)

камчатка/чукотка – poslední lavice ve třídě

классуха (= клáссный руководитель) – třídní učitelka

дирик/дирióга/дирióжник (= дирéктор) – ředitel

контрóша (= контрóльная рабóта) – písemka

домáшка (= домáшняя рабóта) – domácí úkol

Z uvedených výrazů utvořte slovní spojení, která nejčastěji uslyšíte ve škole:

звонóк (урóк)

контрóльная (хíмия)

учíteь (мúзыка)

игра (фóртепиáно)

дверь (клас)

экзáмен (матемáтика)

перемéна (урóки)

оцéнка (предмёт)